

телевизионных фильмов

Екатерина МАКСИМОВА:

ПРЕКРАСЕН НАШ СОЮЗ!

Фильм-балет «Анюта», поставленный А. Белинским совместно с композитором В. Гаврилиным и хореографом В. Васильевым по повести Чехова «Анна на шее», представлен на конкурсные просмотры X Всесоюзного телефестиваля в Алма-Ате. Как можно сегодня оценивать

завоевания и перспективы телевизионного балета? С этим вопросом наш корреспондент Е. Чекалова обратилась к исполнительнице роли Анюты, народной артистке СССР, лауреату Государственной премии СССР Екатерине МАКСИМОВОЙ.

— Я думаю, что само появление оригинального телевизионного балета можно лишь отчасти объяснить склонностью талантливого ленинградского режиссера А. Белинского к творческим экспериментам. С одной стороны, и до него были подобные попытки, хотя и менее удачные, с другой, — и это главное — телевидение, как и кино, периодически фиксировало на пленку выступления замечательных танцоров.

Однако это благородное стремление сразу вступало в противоречие с тем печальным фактом, что отдельный балетный номер, фрагмент, а тем более целый спектакль, снятый на пленку, часто очень многое терял. В результате вместо полнокровного спектакля мы получали довольно бледный репортаж о нем. Даже «Щелкунчик», который снимали специально для телевидения, немало утратил на экране: была отчасти разрушена «сказочность» происходящего, целостность восприятия, поскольку камера не в состоянии зафиксировать центральные сольные номера одновременно с действием кордебалета, который расположен по всей сцене, вместить все многообразие композиций, отразить всю гамму тончайших линий в движениях танцоров.

Вероятно, подобное несовершенство объясняется не только различием эстетики и специфики театра и телевидения, но и тем, что операторы и режиссеры телевидения, даже если они мастера своего дела, часто не достаточно разбираются в тонкостях балетного искусства. И снимая, например, дуэт, будут показывать каждого из партнеров отдельно, разрушая гармонию танца. В то же время театральные балетмейстеры могут точно так же мало разбираться в кино, а съемочной группе необходима определенная слаженность.

И все же при всех больших или меньших несовершенствах балетная хроника была, есть и будет делом важным и нужным. Однако она, даже в идеальном варианте, не снимает проблемы поисков такого решения балетного произведения в целом, которое полностью учитывало бы специфику малого экрана. Тогда естественно возникает вопрос: а нельзя ли ставить балет специально для телевидения? Тем более, что это даст возможность значительно расширить балетный репертуар. Ведь на сцене спектакли создаются медленно, а группы большие — мы годами танцуем одни и те же партии, а театр не в состоянии удовлетворить потребности артистов в интересных и новых ролях. Как видите, оригинальный телевизионный балет стал результатом взаимных стремлений и потребностей театра и телевидения.

Однако можно ли эстетику телевизионного балета считать абсолютно новой? Есть ли для этого достаточные основания?

Я не раз слышала и читала, что зрителей в «Галатее», «Старом танго» и особенно в

«Анюте» поразила способность артистов балета не только танцевать, но и играть, как в драматическом спектакле, где важны и жест, и улыбка, и выражение глаз. Но, поверьте, что и в театре балетный образ создается не только средствами чистой хореографии. Балет — это не спорт, и балерина должна обладать не только техникой, но и артистизмом. По-моему, самые высокие минуты в театре это те, когда смотришь на танец, забывая про технику, про условность хореографического языка. Если бы я не была уверена, что балет способен выразить всю гамму человеческих страстей и переживаний, я бы, честное слово, его бросила!

Балерина, по-моему, не может не быть актрисой, ведь она, пусть другими средствами, но и как актриса драматического театра, должна эмоционально воздействовать на зрителей. Иногда, танцуя на сцене пиковые моменты той или иной партии, я тихо, почти про себя, произношу какие-то слова, которые ассоциируются у меня с состоянием моей героини. Конечно же, балету, как и драматическому театру, не нужен натурализм, и так же, как драматическую актрису, балерину подстерегает опасность быть захлестнутой своими собственными эмоциями и заплакать самой вместо того, чтобы заставить плакать зрительный зал. Но это уже вопрос профессионального мастерства, и зрителя в сущности не должно интересовать, какими средствами оно достигается.

Зрителям «Галатеи», «Старого танго», «Анюты» иногда кажется, что именно оригинальный телевизионный балет, где так удачно акцентированы игровые моменты, может обращаться к более серьезной литературной основе, чем сказка или мелодрама. Но тяга к сложной литературе гораздо раньше возникла на сцене самого балетного театра, где были поставлены произведения Пушкина, Гоголя, Толстого, Чехова.

Почему-то именно телевидению порой приписывают возможность синтеза балета и драмы, танца и слова. Нет, эта тенденция существует и в театре — таковы, например, спектакли французского балетмейстера Мориса Бежара.

Подобный синтез, если он, конечно, осуществляется мастерами, плодотворен и в театре, и на экране — он может и должен сосуществовать с традиционным классическим балетом.

Я вовсе не хочу доказать, что телевидение ничего не дало балетному искусству. Лично я благодаря телевидению попробовала себя в новом комическом амплуа, стала больше обращать внимания на мелочи, детали, которые раньше казались неважными.

Телевизионный балет более лаконичен, экспрессивен — и там, где в театре надо танцевать длинный монолог, на экране можно обойтись более короткой хореографической фразой, к тому же на телевидении не нужно специально растягивать сцены, чтобы успеть поменять декорации и костюмы. Телеэкран позволяет повысить роль, значение второстепенных партий и эпизодических персонажей и в то же время выстроить всю хореографию в расчете на индивидуальность определенного исполнителя, что гораздо труднее на сцене, где спектакль идет десятилетиями и в исполнении разных составов. Мне кажется, что специфика оригинального телевизионного балета в какой-то степени равна специфике телевизионного кино в целом. И основное отличие в работе над ролью в театре и на ТВ диктуется технической спецификой телекино. В театре я вижу партию в целом, могу станцевать ее последовательно — на телевидении приходится работать фрагментарно, нарушается последовательность сцен. На сцене театра артист балета более самостоятелен — на телевидении он прежде всего исполнитель режиссерского замысла, зато выразительность, экспрессивность той или иной партии может быть усилена при монтаже.

Оригинальный телевизионный балет — это, по-моему, прежде всего фильм, поэтому я думаю, что перспективы его развития напрямую связаны с перспективами развития телекино в целом. У нас, артистов балета, с телевидением и кино связаны большие надежды. Я во всяком случае верю, что наш союз обязательно будет счастливым.

● Екатерина Максимова.

Фото А. Конькова (ТАСС).